

Д. Н. Разеев

«КРИТИКА СПОСОБНОСТИ СУЖДЕНИЯ» КАНТА — СОЧИНЕНИЕ ПО ФИЛОСОФИИ НАУКИ?

В статье на основании аналитического разбора первого и второго вариантов Введения в «Критику способности суждения» демонстрируется, что данное сочинение Канта является не только фундаментальным произведением по эстетике, но представляет собой важное сочинение по философии науки.

Первое, что приходит в голову любому образованному в академической традиции философствованию человеку, когда он сталкивается со словосочетанием «Критика способности суждения», это то, что речь идет о названии сочинения Иммануила Канта, которое посвящено эстетике. При этом то обстоятельство, что данная Критика была разделена автором на две части — критику эстетической способности суждения и критику телеологической способности суждения, — довольно часто упускается из виду. И действительно, если считать «Критику способности суждения» сочинением по эстетике, то в каком смысле телеологическая его часть может относиться к эстетике?

Задача данной статьи — которая основывается на анализе сочинения Канта и критической литературы о нем,¹ а также на размышлениях автора статьи о телеологическом принципе вообще — продемонстрировать лишь на одном небольшом примере, почему данное сочинение Канта может рассматриваться не только как сочинение по эстетике, но и как сочинение по философии науки. Под примером имеется в виду история написания самого этого текста, а более

1 Для рассматриваемой нами проблематики из критической литературы стоит отметить следующие зарубежные работы: *Bartuschat W.* Zum systematischen Ort von Kants Kritik der Urteilskraft. Fr. a. M., 1972; *Düsing K.* Die Teleologie in Kants Weltbegriff. Bonn, 1968; *Lehmann G.* Beiträge zur Geschichte und Interpretation der Philosophie Kants. Berlin, 1969; *Mathieu V.* Kants Opus postumum / Hrsg. von G. Held. Fr. a. M., 1989; *Mc Farland J. D.* Kant's Concept of Teleology. Edinburgh, 1970; *Stadler A.* Kants Teleologie und ihre erkenntnistheoretische Bedeutung. Berlin, 1912; *Vorländer K.* Einleitung des Herausgebers // Kant I. Kritik der Urteilskraft. Hamburg, 1959. S. IX–XXXVIII.

конкретно — история переписывая Кантом Введения к своему сочинению уже после того, как оно было завершено.

Из истории написания «Критики способности суждения»

Если обратиться к самой истории изменения Кантом изначальной редакции своего Введения к «Критике способности суждения»,² то она косвенным образом указывает на то, что вторая, телеологическая, часть этого сочинения была, с позволения сказать, не совсем до конца продумана автором. Известно, что уже после того, как Кант написал «Критику способности суждения», он решил переписать Введение к этой работе (о чем мы знаем из его письма к Де ля Гарду от 21 января 1790 г.). Причина для подобного решения, которую указывает в этом письме Кант своему издателю, выглядит довольно странной: уже имеющееся Введение якобы слишком длинное. «С сегодняшней почтой, — пишет Кант в этом письме, — пересылаю Вам 40 листов рукописи, что составляет приблизительно половину; поскольку 84 листа, к этому еще 17 листов Введения (которое однако мною, возможно, еще должно будет сокращено), все написано приблизительно тем же почерком, что и посылаемое мною сейчас Вам, и вместе составляет всю книгу. Остаток я пришлю через 14 дней по почте; можете быть в этом уверены».³ Далее Кант подчеркивает, что он согласен на публикацию произведения (под титулом «Критика способности суждения Иммануила Канта») только в том случае, если будет соблюдено главное условие — книга должна выйти без задержек. Однако из следующего письма от 9 февраля 1790 г., адресованного Де ля Гарду, мы узнаем, что автор сам задерживает издание сочинения, поскольку Введение к нему пока так и не было отправлено: «...со вчерашней почтой отправлены 40 листов рукописи, то есть остаток текста (за исключением трех листов, просмотреть которые у меня не было времени). Их, а также около 12 листов Введения, я пришлю через 14 дней, чтобы не задерживать типографию».⁴ Только спустя месяц, 9 марта 1790 г., Кант пишет издателю следующее послание, в котором сообщает, что он «со вчерашней почтой отправил остаток рукописи, состоящий из 9 листов (с 81 по 89). Поскольку это составляет всю книгу (только Предисловие и Введение, которые не составят больше трех листов печатного текста, остаются еще у меня), то Вы сможете уже точно подсчитать, как скоро книга может выйти из печати. Упомянутое Введение я постараюсь переслать, чтобы Вы смогли его получить еще до конца страстной недели. Я надеюсь, Вы не будете возражать против задержки его отправления Вам, в противном случае сообщите мне об этом как можно скорее, тогда я постараюсь, хотя и неохотно, немного сократить необходимое мне для работы время; я хочу сделать короткий связный обзор о содержании книги, что требует много сил, я должен сократить уже лежащее передо мной готовое Введение,

2 На русском языке см.: *Кант И.* Первое введение в Критику способности суждения // Кант И. Собр. Соч.: В 6 т. Т. 5. М., 1966. С. 99–159.

3 *Kant I.* Briefwechsel. Hamburg, 1972. S. 435–436.

4 *Ibid.* S. 438–439.

которое получилось слишком длинным».⁵ И так, спустя полтора месяца, Кант вновь упоминает о «слишком длинном» Введении в «Критику способности суждения». Только из дальнейшей истории мы знаем, что Кант вовсе не сокращал упомянутое Введение, а просто, как говорится, тянул время, необходимое ему, по всей видимости, для написания совершенно нового текста Введения. Канта явно не устаивало то, что было им уже написано. Наконец 25 марта 1790 г. Кант пишет Де ля Гарду: «В понедельник, 22 марта, то есть за два дня до установленного Вами окончательного срока, по почте отправил последнюю часть рукописи, состоящую из 10 листов Введения и двух титульных листов, что все вместе едва ли составит три печатных листа. Было бы желательно, чтобы текст Введения был напечатан немного меньшими и другими буквами, чем вся остальная книга».⁶

Дальнейшая история с изначальным текстом Введения выглядит следующим образом. Через три года после выхода «Критики способности суждения» к Канту обращается пропагандист его взглядов и сторонник трансцендентальной философии Сигизмунд Бек, который в своем письме от 30 апреля 1793 г. напоминает учителю о «данном в недавнем письме обещании прислать пару рукописей для использования, одну, которая касается критики способности суждения, а другую, которая касается метафизики природы».⁷ Кант посылает Беку, правда лишь через четыре месяца спустя, не что иное, как написанное им первое Введение в «Критику способности суждения», которое, как мы уже поняли, он не включил ни в текст первого, ни в текст уже появившегося к тому времени второго издания. Спустя год Бек вставляет этот текст во второй том изданных им «Избранных работ из критических текстов господина профессора Канта». Далее этот текст Канта включается в ряд изданий под странным наименованием «О философии вообще». Спустя еще некоторое время, когда схожесть текстов была обнаружена, издатели Канта исходят из того, что речь идет об исправленном Кантом новом (!) варианте Введения к «Критике способности суждения», которое написано более ясным и простым языком. И только в 1922 г. при публикации сочинений Канта под редакцией Кассирера исследователям становится ясно, что речь идет об изначальном, т. е. самом первом варианте Введения в «Критику способности суждения», которое радикально отличается от того варианта Введения, который предпочел опубликовать сам автор. Что же именно не устроило Канта в первом варианте Введения? Обратимся непосредственно к тексту.

Первая редакция Введения к «Критике способности суждения»

В самом начале первой редакции Введения к «Критике способности суждения» Кант разделяет всю сферу философии на теоретическую и практическую, указывая при этом на то, что практическое следует понимать исключительно как зако-

5 Ibid. S. 447.

6 Ibid. S. 448.

7 Ibid. S. 631.

нодательство свободы, не путая его с прикладным. Вслед за этим Кант проясняет, что и наша способность суждения, в зависимости от того, в какой из вышеуказанных сфер она применяется, может быть как теоретической, так и практической. Однако примечательно, что этими двумя видами не исчерпывается способность суждения вообще. Кант предлагает разобрать этот дополнительный вид нашей способности суждения на примере наших суждений о природе.

Ясно, что природа вообще, и это было убедительно показано Кантом в «Критике чистого разума», функционирует по трансцендентальным законам, которые задаются рассудком. Однако, сетует Кант в разбираемом нами первом Введении, трансцендентальные законы предполагают бесчисленное многообразие и гетерогенность конкретных форм природы. Возникает вопрос, прочему же все-таки существует ограниченное (а не безграничное) количество таких форм (Кант говорит также об ограниченном их числе как «системе эмпирических законов»? Именно здесь и проявляется дополнительная (первоначально Кант называет ее даже «технической») способность суждения. Дело в том, что именно благодаря этой способности мы оказываемся в состоянии высказать предположение о некоей целесообразности, заложенной в природе, хотя такое предположение и остается только лишь субъективным, поскольку объективно цели природы мы не знаем и знать не можем.

Автор первой редакции Введения сразу же определяет статус выносимого такой способностью суждения предположения: выводы этой способности суждения не могут быть ни объективным познанием природы, ни практическим принципом свободы. Чем же тогда они являются? Они являются, пишет Кант, «неким принципом рассуждения и исследования природы». Позднее он найдет для этого особое наименование — «эвристический принцип», который состоит в том, что мы только *предполагаем* целесообразность в природе, поскольку иначе мы просто не можем судить о ней.

Далее, в четвертой части Введения, автор еще раз прояснит свою мысль. То, что в результате исследований в «Критике чистого разума» была установлена система трансцендентальных законов, которые предполагает природа и которые суть не что иное, как «законы, которые рассудок дал сам себе априори»,⁸ рассуждает Кант, еще не означает того, что эмпирические законы функционирования природы также представляют собой именно законченную систему, а не бесконечное многообразие положений. Иными словами, вопрос заключается в том, может ли человек (способен ли он?) постигнуть все эмпирическое многообразие природы как систему, а не как агрегат? Ответ заключается в том, что человек *вынужден* мыслить «единство природы во времени и пространстве»⁹, т. е. мыслить ее как систему, а не как агрегат. Возможность такого мышления о единстве природы зиждется на некоем «*трансцендентальном предположении*»,¹⁰ которое, как замечает Кант, осуществляется уже не нашим рассудком, а *самой* нашей способностью

8 Здесь и в дальнейшем на языке оригинала Введение цитируется по классическому изданию Г. Лемана: *Kant I. Erste Einleitung in die Kritik der Urteilskraft / Nach der Handschrift herausgegeben von G. Lehmann. Hamburg, 1970; здесь: S. 15.*

9 Ibid. S. 16.

10 Ibid.

суждения. Более того, «это трансцендентальное предположение является трансцендентальным принципом способности суждения».¹¹ То, в чем состоит этот принцип, — в способности нашей способности суждения найти для имеющегося у нас особенного нечто всеобщее. Иными словами, по отношению к эмпирическим законам природы трансцендентальная способность суждения привносит принцип (корректнее будет сказать: эмпирический принцип) единства их многообразия, который фактически не дан ни рассудком, ни разумом.

Таким образом, проблема заключалась не в том, чтобы объяснить, что законы природы подчиняются трансцендентальным условиям, которые задаются рассудком (поскольку это было уже показано в «Критике чистого разума»), но в том, чтобы объяснить, как соотносятся одни эмпирические законы природы с другими ее эмпирическими законами; иными словами — как соотносится одно особенное с другим особенным и есть ли в этом соотношении что-то необходимое, что-то всеобщее, что-то единое для всех субъектов. Речь идет, как сказали бы сторонники феноменологии, о «региональных онтологиях».

Подходить к решению этой проблемы Кант начинает с прояснения того, что способность суждения в случае ее применения к всеобщим законам природы действует схематическим образом, т. е. выступает *определяющей* способностью суждения. И только когда речь идет о законах эмпирических (т. е. не всеобщих, а особенных), способность суждения может действовать так называемым *рефлектирующим* образом. Однако действие ее было бы полностью слепо, если бы при таком рефлектирующем движении она не руководствовалась бы вообще никаким принципом. Кант, как уже было отмечено, намерен обнаружить такой трансцендентальный принцип рефлектирующей способности суждения. Дословно, Кант утверждает, что «способности суждения требуется собственный и в то же время трансцендентальный принцип ее рефлексии».¹² В чем же заключается этот трансцендентальный принцип рефлектирующей способности суждения по отношению к предметам природы? Он состоит в том, что природа на эмпирическом уровне (т. е. на уровне своих эмпирических законов) проявляет своего рода рациональность, которая доступна нашему (человеческому) постижению. При описании этой рациональности природы Кант употребляет довольно примечательный термин, он говорит о «бережливости» (*Sparsamkeit*) природы. Эта самая «бережливость» в каком-то смысле и выступает трансцендентальным принципом, а вернее сказать, трансцендентальным предположением способности суждения, которым она руководствуется в своей рефлексии относительно предметов природы. Выражаясь более академично, природа на эмпирическом уровне (на уровне своих эмпирических законов) может быть постижима нами, что предполагает, что она как бы рассчитана на наше ее восприятие.

После этого рассуждения впервые в тексте первой редакции Введения появляется словосочетание, вызвавшее так много споров у интерпретаторов Канта, — *техника природы*. Применительно к этому выражению необходимо отметить, что

¹¹ Ibid.

¹² Ibid. S. 19.

под техникой природы *не* подразумевается «механика» природы. Речь идет о своеобразной «искусности» природы. Природа в своих творениях действует в соответствии с определенной техникой, наличие которой вынуждена предполагать наша рефлектирующая способность суждения. В противном случае (т. е. не предполагая известную технику природы, в согласии с которой природа проявляет себя) мы не можем заниматься никакой классификацией предметов природы. Таким образом, рефлектирующая способность суждения не познает технику природы, а лишь предполагает ее наличие. Этим она отличается от определяющей способности суждения, которая, как упоминает Кант, занимается *номотетикой* природы (определением природы согласно трансцендентальным законам рассудка).

Вместе с тем один существенный вопрос не дает покоя Канту, а именно вопрос о том, как возможно вести речь о *технике природы*, если по сути дела оказывается, что техника эта присуща не самой природе, а лишь нашему способу рефлексии о природе? Другими словами, как техника природы соотносится с техникой способности суждения? Если техника природы есть лишь регулятивное, но не конститутивное понятие, то можем ли мы как-то заметить в самой природе эту так называемую технику, и если да, то не будет ли это свидетельствовать все же о некоем конститутивном значении этого понятия? Кант не дает однозначного ответа на этот вопрос. С одной стороны, для Канта очевидно, что о технике природы можно говорить лишь в переносном значении, поскольку «собственно технической является *способность суждения*; природа выступает технической только в представлении...».¹³ С другой стороны, Кант допускает возможность не только *формальной* целесообразности природы, когда мы выносим суждение о тех или иных формах природы как неопределенно-целесообразных, но и возможность *реальной* целесообразности природы, когда мы обсуждаем ту или иную форму природы не как просто форму природы, но как цель природы. При этом только в последнем случае речь идет о телеологической целесообразности; в первом случае мы имеем дело с эстетической целесообразностью. Это различие было для Канта настолько существенным, что послужило принципом деления рефлектирующей способности суждения на *эстетическую* и *телеологическую*.

Здесь важно упомянуть о двух замечаниях, которые делает Кант. Первое касается того, что о какой бы целесообразности ни шла речь, формальной или реальной, она есть не что иное, как идея, принадлежащая исключительно способности суждения, поскольку рассматривает природу в отношении к нашей способности суждения, а не саму по себе. Второе замечание, которое делает автор, касается того, что телеологические суждения суть суждения познания (!): «Суждение об объективной целесообразности природы называется *телеологическим*. Это — *суждение познания*, однако принадлежащее не определяющей, а рефлектирующей способности суждения».¹⁴ Тем самым нам становится очевидно, что Кант действительно полагал, что познание возможно не только благодаря определяющей способности суждения, но и посредством альтернативной ей рефлектирующей способности суждения.

¹³ Ibid. S. 26.

¹⁴ Ibid. S. 28.

Из первого варианта Введения следует и то, почему эстетическая способность суждения также основана на принципе целесообразности. Еще в третьей части первого варианта Введения Кант задается вопросом о том, как соотносятся между собой три наши основные способности, а именно познавательная способность, чувство удовольствия и неудовольствия, а также способность желания. При этом Кант утверждает, что если бы при восприятии того или иного предмета между ними не было никакой связи, то тогда наши душевные способности представляли бы собой «агрегат, а не систему».¹⁵ По-видимому, здесь и стоит искать ответ на вопрос о том, почему анализ эстетической и телеологической способностей суждения был проделан Кантом в одном, а не в разных сочинениях. И в том, и в другом случае речь идет о целесообразности (в первом случае предмета природы, а во втором случае способностей нашей души при восприятии такого предмета).

К теме эстетической способности суждения Кант возвращается в восьмой части первого варианта Введения, озаглавленной «Об эстетике способности к рассуждению». Здесь речь идет о том, что Кант хочет найти для эстетических суждений особого рода автономию, которая не вытекала бы ни из законов рассудка, ни из предписаний разума. Найти такого рода «эстетическую» автономию — задача «Критики способности суждения». Разумеется, такая автономия будет носить своеобразный характер, потому что «эта автономия (в отличие от автономии рассудка в отношении теоретических законов природы или автономии разума в отношении практических законов свободы) значима не объективно, т. е. не через понятия о вещах или возможных действиях, а чисто субъективно, для суждения из чувства, которое, если оно может притязать на общезначимость, доказывает, что происхождение его основано на априорных принципах».¹⁶ С учетом вышесказанного Кант предлагает даже особое наименование для такого вида автономии — «геавтономия». Геавтономия — это способность суждения устанавливать законы, однако не для природы и не для свободы, а исключительно для самой же себя.

Если у способности суждения имеется своя автономия (геавтономия), то это означает, что суждения высших познавательных способностей бывают не двух видов (как ранее полагал Кант), а трех: теоретические, практические и эстетические. Однако вопрос, который с неизбежностью возникает при этом, заключается в том, к какому из трех видов нам следует отнести суждения телеологические? Если бы Кант разделил все суждения на теоретические, рефлексивные и практические, то подобного вопроса у нас бы не возникло, поскольку эстетические и телеологические суждения были бы подвидами суждений рефлексивных. Однако Кант выделяет именно эстетические суждения в качестве особого вида. Подпадают ли при этом телеологические суждения под этот вид?

Прояснение статуса телеологических суждений потребовало одного важного систематического отступления, которое Кант делает в 9-ой части первого варианта Введения. Здесь Кант пишет, что наши высшие познавательные способности соотносятся с понятием природы на разных уровнях. Во-первых, рассудок задает

¹⁵ Ibid. S. 13.

¹⁶ Кант И. Первое введение в Критику способности суждения. С. 129.

законы природе на трансцендентальном уровне (что, как мы знаем, было предметом анализа в «Критике чистого разума»). Во-вторых, как обнаруживается, в эмпирически данном нам многообразии природа соотносится с нашей способностью суждения. В случае эстетической способности суждения речь идет, как отмечалось выше, о формальной целесообразности предметов природы в отношении нашей способности суждения. Почему бы не предположить, пишет далее Кант, что есть и еще и третья ступень в отношении природы к познавательным способностям, а именно рассмотрение продуктов природы как целей (т. е. в их отношении к разуму, поскольку собственно он есть способность задавать цели). Таким образом, само понятие целей природы черпается уже не из самой способности суждения, но из разума, в результате чего Кант делает далеко идущий вывод: «Следовательно, понятие *реальной цели природы* лежит полностью за пределами способности суждения, если последняя берется сама по себе. И так как она в качестве обособленной познавательной способности рассматривает в представлении до всякого понятия лишь две способности — воображение и рассудок — в их соотношении и таким образом усматривает субъективную целесообразность предмета для познавательной способности в схватывании этого предмета (воображением), то в телеологической целесообразности вещей как целей природы, которые могут быть представлены лишь посредством понятий, она должна будет соотнести рассудок с разумом (который для опыта вообще не необходим), чтобы представить вещи как цели природы».¹⁷

Получается, что эстетическое суждение не нуждается ни в каком дополнительном понятии о природе, поскольку в нем мы рассуждаем исключительно о природных формах, а также о том, что эти данные формы природы оказываются целесообразными по отношению к нашим познавательным способностям. Иными словами, для эстетических суждений важны не формы природы сами по себе (как некие цели, которыми руководствовалась природа, их создавая), а исключительно их (форм природы) отношение к нашей способности вообще представлять вещи природы; вот в каком контексте Кант ведет речь о целесообразности форм природы для нашей субъективности. Такого рода целесообразность природы (т. е. ее целесообразность для нашего, субъективного, ее схватывания), или, как еще предпочитает выражаться Кант, такую технику природы, можно назвать *фигурной*, а также *technica speciosa*. Эстетическое суждение довольствуется самостоятельно установленным правилом при вынесении суждения, и результат такого суждения — чувство удовольствия от гармонической игры воображения и рассудка, задействованных в такого рода суждениях. Для телеологического же суждения одной лишь способности суждения оказывается недостаточно; для вынесения такого суждения требуется наличие понятия о вещи, о ее предназначении, о ее цели. «Телеологическое же суждение, — пишет Кант, — предполагает понятие об объекте и судит о возможности его согласно закону связи причин и действий. Эту технику природы можно было бы поэтому назвать *пластической*, если бы это слово уже не употреблялось в более общем смысле, а именно для обозначения красоты

17 Там же. С. 137-138.

природы, а также намерений природы; поэтому, если угодно, ее можно назвать *органической техникой* природы. Это выражение обозначает понятие целесообразности не только применительно к способу представления, но и в отношении возможности самих вещей». ¹⁸

Таким образом, если при эстетическом суждении мы рассуждаем о целесообразности форм природы для нашей субъективности, то при телеологическом суждении нас волнует вопрос о том, почему именно такие (а не иные формы) выбрала для себя природа. Нам может нравиться, к примеру, сама форма тела человеческого существа, и в эстетическом суждении мы находим эту форму изумительной, как будто бы самой природой созданной для того, чтобы мы могли вынести о ней наше суждение, однако почему в этой форме, созданной природой, ноги не растут на голове, а уши и нос выступают из черепной коробки, — эти вопросы относятся уже к компетенции телеологической способности суждения.

Интенция Канта состоит в том, чтобы показать, что не только трансцендентальное законодательство природы не вытекает из опыта (это было продемонстрировано в «Критике чистого разума»), но и эмпирическое законодательство природы черпается нами не из одного только опыта. Подтверждение этому — целесообразность природы, которая присуща не самой природе, но нашей способности суждения рефлексировать о законах природы; речь идет об особом принципе способности суждения, «который предшествует эмпирическим законам и только лишь и делает впервые возможной их взаимное согласование в единство системы». ¹⁹ Все это означает, что при исследовании природы на эмпирическом уровне мы не только каузально объясняем ее действительность, но и выносим суждения о ее целесообразности. При этом статус таких суждений будет именно познавательный.

Однако здесь же Кант делает одно замечание, которое может внести некоторую путаницу во все предыдущее изложение. Дело в том, что, обсуждая самостоятельность принципа способности суждения, Кант замечает, что в собственном смысле слова самостоятелен этот принцип лишь в эстетических суждениях, поскольку в телеологических суждениях он заимствуется нами из разума. Вот что именно пишет Кант: «Возможность телеологического суждения о природе легко можно показать, не полагая в его основу какой-то особенный принцип способности суждения; поскольку такое [суждение] просто следует принципу разума». ²⁰ Из предшествующего изложения ясно, что имеет в виду Кант: способность суждения при вынесении телеологических суждений руководствуется понятием «цели», которое учреждается не самой способностью суждения, но заимствуется ею от разума. Вместе с тем важно понимать, что способность суждения может различными способами оперировать этим понятием разума. Если она будет использовать его как конститутивное понятие, то в таком случае способность суждения будет выносить определяющее суждение. Если же она будет использовать его как регулятивное понятие, то в этом случае результатом ее деятельности будет реф-

¹⁸ Там же. С. 138.

¹⁹ *Kant I. Erste Einleitung in die Kritik der Urteilskraft.* S. 52.

²⁰ *Ibid.*

лектирующее суждение. Примечательным, однако, выступает здесь не это, хорошо знакомое нам, разделение суждений на определяющие и рефлектирующие, а одно существенное обстоятельство, которое требует осмысления. Если при телеологическом суждении наша способность суждения, пусть даже имея понятие, которым она призвана руководствоваться, тем не менее руководствуется им не напрямую (иначе она просто-напросто выносила бы определяющее суждение), то возникает обоснованный вопрос о том, чем именно в таком случае она руководствуется (или, возможно, будет даже более уместным сказать в этом контексте со-руководствуется)? В этом моменте сходятся все нити изложения Канта. Мы вынуждены предположить, что при телеологических суждениях наша способность суждения со-руководствуется собственным априорным принципом, который в чистом виде встречается при суждениях эстетических. Тем самым становится понятным, что телеологические суждения суть не что иное, как суждения, выносимые *по аналогии* с суждениями эстетическими. При таком прочтении не только становится ясным, почему Кант делил все наши суждения на теоретические, эстетические и практические, не упомянув при этом о суждениях телеологических, но и то, почему телеологическая способность суждения оказалась не нуждающейся ни в какой особой дедукции (в отличие от эстетической способности суждения). «Таким образом, собственно говоря, в одном лишь вкусе, — пишет Кант, — и притом в отношении предметов природы, способность суждения раскрывается как способность, которая имеет отличительный принцип и благодаря этому обоснованно притязает на место в общей критике высших познавательных способностей, чего от нее, может быть, и не ожидали бы».²¹

Все это заставляет нас еще раз вернуться к вопросу о том, являются ли телеологические суждения подвидом суждений эстетических. Теперь мы вынуждены дать на него довольно странный ответ. В конце первого варианта Введения Кант еще раз обращается к тому, почему все суждения делятся на теоретические, эстетические и практические. Это означает, что отсутствие телеологического подвида суждений не было ни оговоркой, ни просто упущенной возможностью, о которой не подумал Кант. Разъясняя это, Кант пишет: «Следовательно, *природа* основывает свою *закономерность* на *априорных принципах рассудка* как *познавательной способности*; *искусство* а priori соотнобразывается в своей *целесообразности* со *способностью суждения* по отношению к *чувству удовольствия и неудовольствия*; наконец, *нравственность* (как продукт свободы) подчиняется идее такой формы *целесообразности*, которая годна в качестве всеобщего закона как определяющего основания *разума* в отношении *способности желания*. Суждения, возникающие таким образом из априорных принципов, которые свойственны каждой основной способности души, — это *теоретические, эстетические и практические суждения*».²² Похоже, Кант действительно не находит места для телеологических суждений в этой системе. Если целесообразность способности суждения проявляет себя в эстетических суждениях, то остается предположить, что Кант и в самом

21 Кант И. Первое введение в Критику способности суждения. С. 150.

22 Там же. С. 152-153.

деле считал телеологические суждения эстетическими. В определенном смысле (а именно как суждения) телеологические суждения выступают суждениями эстетическими, поскольку построены они аналогичным эстетическим суждениям образом. Вместе с тем это особого вида суждения, которые, благодаря задействованному в таких суждениях особому механизму объективации, приобретают статус суждений познавательных. Кант, завершая свое изложение первой редакции Введения, предлагает следующий выход из сложившейся ситуации: телеологические суждения выстраиваются не эстетическим, а логическим образом, поскольку они выносятся по отношению к разным способностям нашей души: эстетические суждения выносятся в отношении чувства удовольствия и неудовольствия, а телеологические — в отношении нашей познавательной способности.

Вторая редакция Введения к «Критике способности суждения»

В критической литературе (имеется в виду прежде всего немецкоязычная и англоязычная) неоднократно обсуждался вопрос о том, что побудило Канта переписать изначальную редакцию Введения в «Критику способности суждения». Некоторые исследователи выдвигают даже такую версию, что Кант намеренно переписывает ясное изложение первой редакции Введения, дабы сделать его более неясным и размытым.²³

По логике изложения Кантом своих идей в первой редакции Введения, которое мы проследили, оно было написано автором до написания основного текста (или во всяком случае *одновременно* с ним). В связи с этим можно предположить, что переписать Введение Канта заставило то обстоятельство, что результаты, к которым он пришел непосредственно в самом трактате, не соответствовали изначально задуманному плану. Не соответствовать ему они могли либо потому, что привносили что-то новое, что не было учтено во Введении, либо же потому, что в результате исследований не удалось решить что-то из того, что изначально предполагалось разрешить и было зафиксировано во Введении. Решить, что именно стало причиной изменения первоначально написанной редакции Введения, можно только на пути историко-философской реконструкции, непосредственно обратившись ко второму варианту Введения, написанному автором уже *после* завершения самого сочинения.

Сразу же можно отметить, что по сути дела мы имеем дело с совершенно другим текстом. Во-первых, во второй редакции Введения Кант ни разу не употребляет выражения, которое было чуть ли не ключевым в первой редакции — «техника природы». Во-вторых, во второй редакции отсутствует и подчеркнутое нами как неслучайное (поскольку его Кант повторяет два раза) разделение всех суждений на теоретические, эстетические и практические. В-третьих, во второй редакции Введения Кант признает наличие собственного трансцендентального априорного принципа не только у эстетической способности суждения, но и у телеологической способности суждения. Однако обратимся непосредственно к тексту.

23 См., напр.: *Mathieu V. Kants Opus postumum*. S. 239-246.

При обращении к начальной части текста второй редакции Введения заметно, что Кант и в самом деле планировал, как он и пишет в письме к своему издателю, просто сократить первую редакцию текста. Это видно хотя бы уже потому, что, как и в первой редакции, здесь речь идет о соотношении теоретической и практической частей философии. Понятно, что Канту необходимо было начать рассуждения именно с этого, дабы прояснить в дальнейшем, что между сферой теоретического, где владычествует рассудок, и сферой практического, где господствует разум, возможна и еще одна, ранее не учтенная им сфера, а именно такая, где правила задает еще одна наша высшая познавательная способность — способность суждения.

Все эти вступительные рассуждения нужны Канту, чтобы подчеркнуть, что различные наши познавательные способности отвечают за различные области опыта, поскольку оказываются законодательными не где угодно, а только лишь в определенных областях. Благодаря рассудку, как мы помним из «Критики чистого разума», возникает законодательство природы; благодаря разуму, о чем шла речь в «Критике практического разума», становятся возможными законы свободы. Законодательство рассудка теоретическое, а разума — практическое. Кант замечает, что территория, на которой действуют оба эти законодательства, оказывается одной и той же, а именно — они разворачиваются на почве нашего опыта; причем действуют таким образом, что действие одного законодательства не ущемляет действия другого. Каким же образом можно мыслить такое двойное законодательство без противоречия? Только если предположить, «что понятие природы может представить свои предметы в созерцании, но не как вещи сами по себе, а только как явления, напротив, понятие свободы — может представить в своем объекте вещь саму по себе, но не в созерцании...»²⁴; иными словами, теоретические законы рассудка определяют свои предметы только как явления, но не как вещи сами по себе, т. е. только в созерцании, а практические законы разума, напротив, полагают свои объекты в качестве вещей самих по себе, но не способны дать их адекватное представление в созерцании.

И все же, вопрошает Кант, соотносятся хоть как-то эти два законодательства друг с другом? Отвечая на этот вопрос, он вводит в свои рассуждения новую путеводную нить, которой, по-видимому, еще не существовало до завершения написания «Критики способности суждения», а следовательно, не было и в первой редакции Введения к ней. «Хотя, — пишет Кант, — между областью понятия природы в качестве чувственного и областью понятия свободы в качестве сверхчувственного лежит необозримая пропасть, так что переход от первой ко второй (следовательно, посредством теоретического применения разума) невозможен, будто это два настолько различных мира, что первый не может влиять на второй, тем не менее, второй *должен* влиять на первый, а именно, понятие свободы должно сделать действительной в чувственном мире заданную его законами цель, и, следовательно, природу должно быть возможно мыслить таким образом, чтобы закономерность ее формы соответствовала по крайней мере возможности целей,

24 Кант И. Критика способности суждения. М., 1994. С. 45.

заданных ей законами свободы. Следовательно, должно быть все-таки основание для *единства* сверхчувственного, лежащего в основе природы, с тем, что практически содержит в себе понятие свободы, даже если такое понятие не достигает ни теоретически, ни практически познания этого единства, а значит, не имеет своей области, оно все-таки делает возможным переход от мышления по принципам природы к мышлению по принципам свободы».²⁵

Для прояснения возможности такого «перехода» Кант как будто бы возвращается к тому, чем он закончил первую редакцию своего Введения: к перечислению наших высших познавательных способностей и их функций. К семье высших познавательных способностей философ причислял разум, рассудок и способность суждения. Первые две способности имеют собственные априорные принципы. Почему бы не предположить, продолжает Кант, что и наша способность суждения (как третья в ряду высших познавательных способностей) также обладает некоторым априорным законодательством. Кант сразу же поправляет себя, замечая, что речь идет не о «законодательстве», а скорее об априорном «собственном принципе» способности суждения. Он делает такую поправку, понимая, что законодательной способностью суждения могла бы быть в том случае, если бы в опыте нашлись особые объекты, к которым такое законодательство было бы применимо. Но их и не надо искать, поскольку имеются такие случаи, когда способность суждения, руководствуясь таким «собственным принципом», применяет его не к объектам, а к самому субъекту.

То, что такой особый принцип суждения должен существовать, продолжает Кант далее, следуя за собственной же нитью рассуждений из первого варианта Введения, обнаруживается еще в одном существенном обстоятельстве, а именно в соотношении высших познавательных способностей с общими способностями нашей души. Последних вообще суть три: способность познания, чувство удовольствия и неудовольствия, а также способность желания. Способность познания руководствуется принципами рассудка, а способность желания — принципами разума. Возникает вопрос: чем же руководствуется в таком случае чувство удовольствия и неудовольствия? Не иначе как тем самым своеобразным принципом способности суждения — можно было бы предположить заранее.

До написания «Критики способности суждения» Кант, как мы уже отмечали, по-видимому, не предусматривал для способности суждения иной функции, нежели функция определения; и то, что способность суждения может быть рефлектирующей, — это, вне всякого сомнения, позднее открытие Канта. Вместе с тем указанное деление способности суждения было обусловлено и, так сказать, предметными соображениями, которые носили, как выразились бы мы сегодня, явный философско-научный, или эпистемологический, характер. Кант усмотрел проблему в том, что на эмпирическом уровне изучения природы мы сталкиваемся с рядом закономерностей или законов, для которых у нас не существует такого единого всеобщего положения, к которому их все можно было бы свести. Это значит, что при построении эмпирических законов (в частности при установлении их соотно-

25 Там же. С. 46.

шения друг с другом) мы руководствуемся какими-то иными принципами, нежели принципами, задаваемыми нам рассудком. Благодаря определяющей способности суждения я могу подвести конкретный эмпирический закон под всеобщее правило на трансцендентальном уровне. Однако определяющая способность суждения не в состоянии помочь мне, когда нужно соотнести один эмпирический закон с имеющимися другими законами. Вот о чем говорит Кант. Считать все это лишь пустыми домыслами престарелого философа не стоит, ведь даже сегодня, к примеру, физики не избавлены от указанной проблемы, потому что действительно не в состоянии доказательно объяснить соотношение друг с другом всех основополагающих сил Вселенной: гравитационной силы, электромагнитной силы, слабой и сильной ядерных сил. Кант при размышлении о проблеме эмпирических законов природы вводит в свою аргументацию новый аргумент, которого не было в первой редакции Введения. Назовем его аргументом «единства многообразного в природе». В четвертой части второй редакции Введения Кант, проясняя, что он имеет в виду, пишет: «Однако существует такое многообразие форм природы, столько модификаций общих трансцендентальных понятий, остающихся не определенными теми законами, которые априорно дает чистый рассудок, ибо они имеют в виду возможность природы (в качестве предмета чувств) вообще, что для всего этого также должны быть законы; в качестве эмпирических они могут в соответствии с пониманием *нашего* рассудка быть случайными, но поскольку они должны называться законами (как того требует понятие природы), их следует все-таки признавать необходимыми, исходя из некоего, хотя и не известного нам принципа, принципа единства многообразного».²⁶ Этот неизвестный нам принцип единства многообразного в природе, благодаря которому, как было уже не раз подчеркнuto, мы воспринимаем природу не как агрегат, но как систему, и есть продукт рефлектирующей способности суждения. Только предполагая такое единство многообразного в природе, мы в состоянии объяснить субординацию эмпирических законов по отношению друг к другу. Кант подчеркивает, что мы не можем заимствовать этот принцип из самой природы, более того, поскольку речь идет не о трансцендентальном принципе рассудка, то мы также не можем и предписывать этот принцип природе. Все, что мы делаем, так это предписываем самим же себе рассуждать о природе только в соответствии с таким принципом — вот вывод Канта. Таким образом, этот принцип способность суждения предписывает самой себе. Кант называет его трансцендентальным принципом рефлектирующей способности суждения. В отличие от первого варианта Введения Кант не говорит здесь о том, что в собственном смысле этот принцип проявляется только в эстетической способности суждения. Из контекста второго варианта Введения становится понятно, что Кант пересмотрел свою раннюю точку зрения и трансцендентальный принцип рефлектирующей способности суждения распространяется теперь им как на эстетический, так и на телеологический ее подвиды. Не случайно во второй редакции Введения Кант заводит разговор о трансцендентальном принципе рефлектирующей способности суждения при обсуждении именно телеологических суждений, а не эстетических.

26 Там же. С. 50.

Заявив о наличии у рефлектирующей способности суждения собственного (при этом трансцендентального) принципа, который она предписывает самой же себе при рассмотрении законов природы, Кант ищет теперь адекватное наименование для такого принципа. И он вновь апеллирует здесь к своему аргументу единства многообразного в природе. Попробуем реконструировать мысль Канта, в известной степени отклонившись от буквального прочтения его слов. Если бы существовал такой рассудок, который задавал бы природе единство во всех ее эмпирических проявлениях, то тогда понятия, содержащиеся в таком рассудке, были бы не чем иным, как целями, которые бы природа развертывала на эмпирическом уровне. Сам процесс реализации таких целей можно было бы назвать объективной (лучше даже сказать: реальной) целесообразностью природы. Однако поскольку подтвердить или опровергнуть наличие такого рассудка не представляется возможным, нам не остается ничего другого, кроме как, воздержавшись от обсуждения вопроса о происхождении единства многообразного в природе (то есть единства природы в ее эмпирических законах), рассуждать о ней так, как *если бы* такая причина (единства природы в ее эмпирических проявлениях) действительно существовала. В таком случае мы и будем руководствоваться *формальной* целесообразностью природы. Иными словами, мы будем *по форме* рассуждать о природе как о целесообразной.

Это требует дополнительного прояснения. Из «Критики чистого разума», напомним, следует однозначный вывод о том, что в формальном отношении (т. е. *по форме*) природа дается нам в пространстве и времени (как чистых формах созерцания) и мыслится нами в категориях (как чистых формах рассудка). О какой же форме говорит Кант теперь? Важно понять, что в «Критике способности суждения» Кант ведет речь не о форме созерцания или мышления природы, а о форме рассуждения (причем только одного его вида: рефлективного) о природе. Иными словами, мы предписываем самим себе форму нашего же рассуждения о природе; если угодно, предписываем себе то, как в формальном отношении следует выстраивать наши суждения о природе, когда речь заходит о ее эмпирических законах. Такая особенная форма рассуждения о природе и называется Кантом целесообразностью природы. Более того, эту форму рассуждения о природе, задаваемую нам самим себе, нельзя путать с практической целесообразностью (т. е. с целесообразностью, руководствующейся понятиями разума, моральной целесообразностью). Кант резюмирует следующим образом: «Следовательно, целесообразность природы есть частное априорное понятие, которое имеет свой источник только в рефлектирующей способности суждения. Ибо приписывать продуктам природы нечто, подобное отношению природы в них к целям, нельзя; этим понятием можно пользоваться лишь для того, чтобы рефлектировать о них с точки зрения связи явлений в природе, данной в соответствии с эмпирическими законами. К тому же это понятие полностью отличается от практической целесообразности (будь то человеческого искусства или нравственности), хотя и мыслится по аналогии с ней».²⁷ Последнее предложение (в том месте, где Кант упоминает

27 Там же. С. 51.

о «человеческом искусстве») вызывает не просто удивление, но глубокое подозрение, что во второй редакции Введения все переставлено с ног на голову по сравнению с первой. Ведь там *собственным* местом целесообразности признавались именно эстетические суждения, или суждения искусства. Теперь получается, что как раз-таки телеологические суждения становятся прообразом рефлектирующих суждений. Скорее всего, однако, Кант имеет в виду, что не все суждения искусства суть продукты рефлектирующей способности суждения. В искусстве имеют место и суждения практической целесообразности. Кант просто предлагает исключить их из поля рассмотрения, когда речь идет о трансцендентальном принципе способности суждения, а не нашего разума.

Вместе с тем возникает вопрос о статусе такого трансцендентального принципа способности суждения (принципа целесообразности природы). Можем ли мы «признать его трансцендентальным *принципом познания* (курсив наш. — Д. Р.)»²⁸? Вся грандиозность поставленного вопроса становится очевидной, если привести еще одну (довольно обширную) цитату из пятой части второй редакции Введения, которая в известном смысле может рассматриваться как программное заявление Канта о характере его будущей философской работы, а также проливает свет на непосредственную связь «Критики способности суждения» с задуманным, но так и не написанным последним сочинением кенигсбергского мыслителя, получившим впоследствии наименование «Opus postumum». Позволим себе привести эту цитату, ввиду ее исключительной важности, полностью: «...Следует представить себе серьезность задачи: получить из данных восприятий природы, содержащей бесконечное многообразие эмпирических законов, связанный опыт; эта задача априорно включена в наш рассудок. Правда, рассудок априорно владеет общими законами природы, без которых она вообще не могла бы быть предметом опыта, однако сверх этого ему нужен еще известный порядок в природе, в ее частных правилах, узнать которые он может лишь эмпирически и которые для него случайны. Эти правила, без которых не было бы продвижения от общей аналогии возможного опыта вообще к частному опыту, рассудок должен мыслить как законы (то есть как необходимые), — ибо в противном случае они не составляли бы порядка природы, — хотя он не познает и никогда не сможет постигнуть их. Поэтому, несмотря на то, что рассудок в отношении этих объектов ничего не может априорно определить, он все-таки должен следовать так называемым эмпирическим законам и положить в основу своей рефлексии априорный принцип, а именно, что по этим законам возможен познаваемый порядок в природе; и этот принцип выражают следующие положения: что в природе существует постижимая для нас иерархия родов и видов; что они приближаются друг к другу по общему принципу, дабы был возможен переход от одного к другому, а тем более к высшему роду; что хотя нашему рассудку сначала представляется неизбежным принять для специфического различия действий природы столько же видов каузальности, они все-таки могут подчиняться небольшому числу принципов, обнаружением которых мы должны заниматься, и т. д. Это соответствие природы нашей познавательной

28 Kant I. Einleitung zur Kritik der Urteilkraft. Leipzig, 1959. S. 21.

способности априорно предпосылается способностью суждения для ее рефлексии о природе по ее эмпирическим законам, тогда как рассудок объективно признает это соответствие случайным; только способность суждения приписывает это соответствие природе как трансцендентальную целесообразность (по отношению к познавательной способности субъекта); без такой предпосылки мы не имели бы порядка в природе по эмпирическим законам и, следовательно, не имели бы проводной нити для того, чтобы с помощью этих законов ставить опыт сообразно всему многообразию природы и для его исследования».²⁹

Итак, приведенные слова Канта свидетельствуют о том, что без трансцендентального принципа целесообразности мы вообще не могли бы заниматься познанием эмпирических законов природы. А это означает, что мы вынуждены признать принцип целесообразности не чем иным, как трансцендентальным принципом познания, т. е. принципом, имеющим не эстетическое, а именно эпистемологическое значение. Теперь мы видим, насколько сильно меняется точка зрения Канта во второй редакции Введения. То, что в первом варианте Введения только лишь вскользь упоминалось как альтернатива эстетической способности суждения, обретает во втором варианте решающий вес и заявляется в качестве чуть ли не центральной темы всего исследования. Теперь Кант ведет речь о том, что человеческое познание природы в ее эмпирическом многообразии было бы по сути дела невозможным, если бы при этом мы не руководствовались трансцендентальным принципом способности суждения. Результатом познания без следования такому принципу всегда была бы бесконечная цепь случайностей. Каждый новый шаг оставался бы изначально обреченным быть шагом в никуда, шагом вхолостую, шагом, смысл для совершения которого невозможно обосновать. Таким образом, трансцендентальный принцип способности суждения обретает для Канта явную эпистемологическую ценность. Какой именно вклад вносит этот принцип в познание? Кант дает совершенно однозначный ответ на этот вопрос. Трансцендентальный принцип способности суждения (т. е. принцип целесообразности природы, принцип самозаконодательства способности суждения, в конце концов, принцип геавтономии) дает нам важнейший закон познания природы, который Кант называет *законом спецификации природы*. Подчеркнем еще раз, человек не открывает этот закон в природе и точно так же не предписывает природе этот закон, но предписывает этот закон своему познанию природы. Речь идет, если угодно, об эпистемологической установке ученого: не о *самом* законе природы, но о законе *познания* природы.³⁰

Только после этого прояснения Кант во второй редакции Введения, приступает к описанию эстетической целесообразности. Отличие, повторимся, заключается в том, что в первой редакции Введения Кант руководствовался при описании рефлектирующих суждений суждениями эстетическими, причем таким образом, как мы видели, что телеологические суждения оказывались суждениями, выно-

29 Кант И. Критика способности суждения. С. 55-56.

30 См. более подробно о связи «Критики способности суждения» с «Opus postumum»: Lehmann G. Kants Nachlasswerk und die Kritik der Urteilstkraft // Lehmann G. Beiträge zur Geschichte und Interpretation der Philosophie Kants. Berlin, 1969. S. 295-373.

симыми нами по аналогии с суждениями эстетическими, во второй же редакции Введения телеологические суждения обретают явный самостоятельный статус, именно на их основании проявляется сущность рефлектирующей способности суждения вообще, а эстетическим суждениям (даже если судить просто по объему текста Введения, который им посвящен) уделяется гораздо меньше внимания.

В этом контексте примечательным выглядит уже первое предложение седьмой части второй редакции Введения, в котором Кант объясняет, что во всяком нашем представлении об объекте можно выделить *субъективную* сторону (все то, что не относится к предмету представления, а касается только самого субъекта) и сторону *логической значимости* (все то, что служит определению предмета или может использоваться для его познания). Примечательна сама формулировка, которую дает Кант при прояснении стороны логической значимости нашего представления: это «то в нем, что служит определению предмета (познанию) или может быть использовано [для этого]...».³¹ Последней фразой Кант как будто подчеркивает, что в наших представлениях есть такие элементы, которые непосредственно не выступают определением (познанием) предмета, но, несмотря на это, «могут быть использованы» для такого определения (познания). Возможно, Кант подразумевал при этом, что именно на таких элементах и строятся наши телеологические суждения.

Как бы то ни было, сама седьмая часть второго Введения посвящена не стороне логической значимости, а напротив, субъективной стороне наших представлений. «То субъективное в представлении, которое *не может стать частью познания*, есть связанное с этим представлением *удовольствие или неудовольствие*; посредством того и другого я ничего не познаю в предмете представления, хотя они и могут быть действием какого-либо познания».³² Кант пишет далее, что целесообразность вещи, поскольку она касается не самого устройства вещи, а лишь нашего представления о ней (и не может, соответственно, служить познанию этой вещи, но связана лишь с нашим чувством удовольствия или неудовольствия), имеет эстетический характер. Вместе с тем эстетическое, по замечанию Канта, нужно понимать здесь совсем иначе, чем в первой «Критике». Пространство и время как чистые формы созерцания, о которых шла речь в «Трансцендентальной эстетике», как раз-таки используются нами для познания предмета, они суть не что иное, как «часть познания вещей как явлений».³³ Представление о целесообразности вещи, коль скоро оно не используется для познания вещей, будет эстетическим представлением в другом смысле. Что же означает этот смысл?

Кант проясняет, что эстетическое в этом смысле также касается формы предмета. Однако в этом случае при схватывании такой формы результатом будет не познание, но чувство удовольствия или неудовольствия. Познание было бы возможно, если бы мы руководствовались при этом каким-то понятием рассудка и выносили бы в таком случае определяющие суждения. Но вместо этого мы выносим рефлектирующие суждения, поскольку руководствуемся самой способностью суж-

31 *Kant I. Einleitung zur Kritik der Urteilskraft. S. 26.*

32 *Kant И. Критика способности суждения. С. 60.*

33 Там же. С. 60.

дения, ее «собственным» принципом, заключающимся в том, что мы воспринимаем целесообразность формы предмета для наших собственных способностей его восприятия. В результате возникает чувство удовольствия или неудовольствия.

Здесь важно прояснить один момент, на который указывает Кант. Дело в том, что восприятие целесообразности формы предмета для наших способностей души присуще не только мне, воспринимающему ту или иную форму вещи (природного или искусственного происхождения). Эта способность судить рефлексивно (в данном случае сравнивая форму, данную мне, с моими способностями души для ее восприятия) присуща всем субъектам. Вот почему речь идет о некоем *интерсубъективном* опыте суждения о форме вещей. Таким образом, представление о целесообразности вещи — это субъективное, но не индивидуальное представление того или иного субъекта, а именно *интерсубъективное* представление. Таким образом, речь идет о необходимом (пусть и в *интерсубъективном* смысле, т. е. необходимом для каждого субъекта) опыте. Поэтому Кант и пишет: «Подобное суждение есть эстетическое суждение о целесообразности объекта, которое не основано на имеющемся понятии предмета и не создает понятие о нем. С представлением о предмете, форма которого (а не материальное в представлении о нем, то есть ощущение) рассматривается в рефлексии о ней (без намерения обрести понятие о предмете) как основание удовольствия от представления о подобном объекте, — с таким представлением это удовольствие мыслится как необходимо связанное, следовательно, не только для субъекта, схватывающего эту форму, но и вообще для каждого, кто выносит о нем суждение».³⁴ В результате такой рефлектирующей деятельности предмет именуется прекрасным, а сама способность рассуждать посредством апелляции к чувству удовольствия или неудовольствия есть не что иное, как вкус. Важно подчеркнуть, что чувство удовольствия в данном случае вызывается не каким-либо понятием (а такое имеет место, как мы знаем из «Критики практического разума», когда мы руководствуемся понятием свободы), но исключительно формой предмета, ее целесообразностью для способностей нашей души. При этом сам, так сказать, процесс вынесения суждения о форме предмета (о ее целесообразности) будет одинаковым для всех субъектов, а это значит, что такие суждения необходимым образом коррелируют с чувством удовольствия или неудовольствия. Подчеркнем еще раз, суждения рефлектирующей способности суждения всеобщи, пусть и в другом смысле, нежели суждения определяющей способности суждения. Кант, обычно довольно скупой на примеры, проясняет это следующим образом: «Тот, кто вынес единичное суждение опыта, различив, например, в горном хрустале движущуюся каплю воды, с полным основанием требует, чтобы и другие это признали, ибо он вынес свое суждение по общим условиям определяющей способности суждения в соответствии с законами возможного опыта вообще. Так же тот, кто испытывает удовольствие от одной только рефлексии о форме предмета, не принимая во внимание понятие, с полным основанием притязает на согласие каждого, хотя его суждение эмпирично и единично, ибо основание для этого удовольствия содержится в общем, хотя и субъективном условии рефлектирующих суждений, а именно в целесообразном

34 Там же. С. 61.

соответствии предмета (будь то продукт природы или искусства) познавательным способностям (воображения и рассудка), требующимся для каждого эмпирического познания».³⁵ Именно эта всеобщность рефлектирующих суждений (пускай эта всеобщность и имеет совсем иную природу, нежели всеобщность суждений определяющих) и служит основанием того, почему Кант вообще решается на написание еще одной «Критики», а именно «Критики способности суждения».

Однако далее, словно следуя своему первоначальному замыслу из первой редакции Введения, Кант делает далее одно важное замечание, буквальное прочтение которого вызывает совершенно закономерный вопрос о том, зачем Канту вообще понадобилось переписывать изначально имевшееся Введение, если в результате он повторил в точности то же самое, что было написано в его первой редакции. Вот что именно замечает Кант: «В критике способности суждения наиболее существенна та часть, в которой содержится эстетическая способность суждения, так как только в ней находится принцип, который способность суждения совершенно априорно полагает в основу своей рефлексии о природе, а именно принцип формальной целесообразности природы по ее частным (эмпирическим) законам для нашей познавательной способности, без которых рассудок не ориентировался бы в ней; напротив, нет никакого априорного основания считать, что должны существовать объективные цели природы, то есть вещи, возможные только как ее цели: возможность этого не следует даже из понятия природы как предмета опыта в общем и особенном».³⁶ Это единственный момент в тексте второй редакции Введения, который как будто бы заимствован Кантом из перовой редакции без всякого изменения. Дух перемен, которым были пронизаны предыдущие части второй редакции Введения, словно растворяется в этих словах Канта. Заявленная с первых строк второй редакции Введения самостоятельность телеологической способности суждения оказывается вдруг опять не такой самостоятельной по сравнению с эстетической способностью суждения. Возможно, Кант, стесненный сроками сдачи второй редакции Введения в печать, просто не успел переформулировать последние страницы текста Введения?

Кант проясняет свою точку зрения следующим образом: только эстетическая способность суждения может считаться полностью самостоятельной в вынесении рефлектирующего суждения о природе, поскольку она при обсуждении вещи природы оставляет полностью *неопределенным* вопрос о том, где и в каких случаях о вещи природы можно судить по целесообразной ее форме, а не руководствоваться природными законами для ее определения, иными словами, она решает этот вопрос спонтанно, руководствуясь лишь собственным принципом; телеологическая способность суждения не так свободна в этом отношении, поскольку она *определенно* знает те условия, когда нужно судить о целесообразности вещей природы (например, когда мы имеем дело с органическим телом), но не может привести никаких априорных оснований для наличия такой целесообразности в опыте, иными словами, телеологическая способность суждения вынуждена сле-

³⁵ Там же. С. 62.

³⁶ Там же. С. 64.

довать по пятам опыта в своих суждениях. Это прояснение служит основанием для того вывода, который делает Кант: «Следовательно, эстетическая способность суждения есть особая способность судить о вещах по правилу, но не по понятиям. Телеологическая же способность суждения есть не особая способность, а лишь рефлектирующая способность суждения вообще, поскольку она, как всегда в теоретическом познании, действует по понятиям, но по отношению к некоторым предметам природы — по особым принципам, а именно по принципам только рефлектирующей, а не определяющей объекты способности суждения, следовательно, по своему применению она относится к теоретической части философии, а из-за особых принципов — не определяющих, какими они были бы в доктрине, — должна составлять также особую часть критики; напротив, эстетическая способность суждения ничего не дает для познания своих предметов и, следовательно, должна быть причислена *только* к критике выносящего суждения субъекта и его познавательных способностей, в той мере, в какой они могут иметь априорные принципы, каким бы ни было их применение (теоретическое или практическое); эта критика есть пропедевтика всякой философии».³⁷

Итак, необходимо внимательно разобрать изложенную мысль Канта. Она свидетельствует о том, что автор все же пересмотрел свою позицию по сравнению с первой редакцией Введения. Примат эстетической способности суждения в «Критике способности суждения» зиждется не на том, что *только она* (и никакой иной подвид способности суждения) следует трансцендентальному принципу способности суждения, но на том, что *только в ней* этот трансцендентальный принцип проявляется всегда, что не исключает, однако, того, что и другие подвиды способности суждения (в данном случае телеологическая способность суждения) иногда используют этот трансцендентальный принцип. Это вполне объясняет, почему, с одной стороны, эстетическая способность суждения получает определенное преимущество, но с другой стороны, это не умаляет достоинства телеологической способности суждения в вынесении рефлектирующих суждений. Этой мысли, действительно, еще не было в первой редакции Введения. Возможно, что более очевидной она станет для нас, если обратить внимание на то, что Кант при разборе телеологической способности суждения в восьмой части второй редакции Введения ведет речь об объективной целесообразности вещей природы, но не о целесообразности природы в целом, о чем шла речь в предыдущих частях. Это указание требует дополнительного прояснения.

Дело в том, что Кант, различая целесообразность на субъективную и объективную, упоминает то обстоятельство, что наша способность суждения может выносить как рефлектирующие суждения о вещах природы, так и определяющие суждения о них. Если суждение о вещи природы построено лишь на сравнении ее (вещи) формы по отношению к нашим познавательным способностям (иными словами, на целесообразности вещи для нашего ее восприятия), то в таком случае мы имеем дело с субъективной целесообразностью; если же суждение о вещи построено на определении вещи в соответствии с данным для ее определения понятия

³⁷ Там же. С. 65-66.

ем рассудка, то мы вообще не имеем дела с целесообразностью вещи, но выносим определяющее суждение; остается еще один вариант, при котором суждение о вещи построено на определении формы вещи в соответствии с понятием, которое доставляет нам не рассудок, а разум, — в этом случае, по всей видимости, мы и имеем дело с объективной целесообразностью, поскольку воспринимаем вещь природы не просто как вещь, но как цель природы. Однако к какому из видов способности суждения относится последний случай? Этот тонкий момент, а именно вопрос о том, к какому из видов деятельности способности суждения (к определяющей или к рефлектирующей) стоит относить суждения об объективной целесообразности природы, — оставался, судя по всему, проблематичным и для самого Канта. Мы не можем обойти эту проблему стороной, поскольку речь в данном случае идет именно о статусе телеологических суждений. С одной стороны, если следовать только тексту первой редакции Введения, совершенно очевидно, что Кант решил этот вопрос не в пользу телеологической способности суждения. Мы помним то, к какому выводу пришел там Кант: телеологические суждения — это рефлектирующие суждения, но они таковы лишь по форме, поскольку они выстроены по аналогии с эстетическими суждениями, т. е. они используют принцип эстетических суждений, содержательно же они руководствуются не трансцендентальным принципом самой способности суждения (который в чистом виде проявляет себя только в эстетических суждениях), а принципом, который им предоставляет другая наша познавательная способность, а именно разум. Иными словами, содержательно речь идет об определяющих суждениях. С другой стороны, если мы будем опираться на вторую редакцию Введения, то ситуация предстанет совершенно в ином свете. Дело в том, что теперь Кант признает, что телеологические суждения, так же как и эстетические, руководствуются собственным трансцендентальным принципом способности суждения; иными словами, это уже не просто суждения по аналогии с суждениями эстетическими. Однако очевидно, что Кант проводит какое-то (пусть и нечетко выраженное в самом тексте) дополнительное, внутреннее деление телеологических суждений. На основании анализа текста второй редакции Введения мы можем реконструировать это внутреннее деление суждений следующим образом: телеологические суждения о природе делятся на телеологические суждения о единстве многообразного в природе и телеологические суждения о вещах природы. Только телеологические суждения первого вида опираются на собственный принцип трансцендентальной способности суждения и выступают, соответственно, рефлектирующими суждениями в чистом виде. Второго вида суждения получают тот же, с позволения сказать, двусмысленный статус, что и в первой редакции Введения (т. е. оказываются не в чистом виде рефлектирующими суждениями, но скорее определяющими). Если не принять во внимание вышеуказанного деления телеологических суждений, то так и останется непонятным, зачем Канту вообще потребовалось переписывать свое Введение. Очевидно, что Кант делает это именно на основании пересмотра статуса телеологических суждений. Неизвестно, стал такой пересмотр лишь следствием другой, более значимой для Канта цели, о которой он заявил в самом начале второй редакции Введения и указанием на которую он его заканчивает (сейчас мы обратимся к этому вопросу), или же Кант действительно

в процессе написания самого сочинения усмотрел своеобразие телеологического подхода к описанию природы, что вызвало в его сознании новый философский проект (проект так называемого «перехода» от метафизических начал естествознания к физике), над которым он и трудился последние годы своей жизни.³⁸

Последняя, девятая часть второй редакции кантовского Введения к «Критике способности суждения» посвящена той связующей роли, которую призвана играть наша способность суждения (разумеется, в своей рефлектирующей, а не определяющей ипостаси). Связующей роли между чем и чем? Между двумя законодательствами: природы и свободы. За законы природы ответственен наш рассудок, а за законы свободы — разум. Между ними, по Канту, зияет пропасть: «Понятие свободы ничего не определяет в теоретическом познании природы; понятие природы также ничего не определяет в практических законах свободы, поэтому перекинуть мост от одной области к другой невозможно».³⁹ «Однако, — продолжает далее Кант, — если определяющие основания каузальности по понятию свободы (и по практическому правилу, которое в нем содержится) и не присутствуют в природе, и чувственное не может определять сверхчувственное в субъекте, то обратное возможно (правда, не по отношению к познанию природы, а по отношению к следствиям воздействия сверхчувственного на природу) и уже содержится в понятии каузальности посредством свободы, *действие* которой в мире должно происходить в соответствии с ее формальными законами...».⁴⁰ Действие в соответствии с каузальностью, основанной на свободе, Кант именует «конечной целью, которая (или ее явление в чувственном мире) должна существовать».⁴¹ Но хотя каузальность свободы не связана напрямую с каузальностью природы, между ними все же может быть установлена, так сказать, косвенная связь, возможная благодаря опосредующей роли еще одной способности высшей познавательной способности, а именно нашей способности суждения. Способность суждения дает нам априорное (всецело независимое ни от рассудка, ни от разума), собственное понятие, которое выступает посредником между понятием природы и понятием свободы. Речь идет о том, что между априорным принципом царства природы (имя этому принципу *закономерность*) и априорным принципом царства свободы (который Кант называет принципом *конечной цели*) имеется опосредующий их действие априорный принцип способности суждения (т. е. принцип *целесообразности*). Кант не приводит никакого убедительного доказательства на этот счет, он всего лишь замечает: «...ибо тем самым познается возможность конечной цели, которая может стать действительной только в природе и в соответствии с ее законами».⁴² За этими его словами следует своего рода феноменологическое описание самого перехода от природы к свободе, так искомое Кантом: «Рассудок посредством возможности своих априорных законов для природы дает нам доказательство того, что природа

38 Последней точки зрения придерживается также Г. Леман. Ср.: *Lehmann G. Kants Nachlasswerk und die Kritik der Urteilskraft*. S. 296-297.

39 *Кант И.* Критика способности суждения. С. 65-66.

40 Там же. С. 66-67.

41 Там же. С. 67.

42 Там же.

познается нами только как явление, а тем самым — и указание на ее сверхчувственный субстрат, оставляя его, однако, совершенно *неопределенным*. Способность суждения своим априорным принципом в суждении о природе по ее возможным частным законам дает сверхчувственному субстрату (как в нас, так и вне нас) *определимость посредством интеллектуальной способности*. Разум же своим априорным практическим законом дает этому субстрату *определение*; таким образом способность суждения делает возможным переход из области понятия природы к области понятия свободы». ⁴³ Это один из самых загадочных пассажей из второй редакции Введения. Что имел в виду автор? Кант не проясняет, о какого рода «определимости посредством интеллектуальной способности» идет речь. Если в первой редакции Введения мы хотя бы интуитивно могли найти наименование для такой «определимости», а именно воспользовавшись неоднократно используемым там Кантом выражением «техника природы», то во второй редакции Введения нам сложно утверждать даже это, поскольку тут Кант ни разу не использует этого выражения. Почему Кант отказался от использования этого выражения? Ясно, что в процитированном пассаже речь идет об определимости природы не как агрегата, но как системы. Такая определимость, как мы поняли из второй редакции Введения, руководствуется исключительно принципом самой способности суждения, в отличие от первой редакции Введения, где она оказывается производной от понятия разума, т. е. несамостоятельной. Однако почему Кант вообще заводит речь об *определимости*, если разбору подлежит не определяющая, а рефлектирующая способность суждения? Ведь только рефлектирующая способность суждения обладает самостоятельным априорным принципом. Ответ, по всей видимости, следует искать в том факте, о котором мы уже неоднократно упоминали: есть такой модус рефлектирующей способности суждения, который, не являясь непосредственным *познанием* природы (иначе это была бы уже не рефлектирующая, а определяющая способность суждения), тем не менее может считаться познавательным актом (т. е. вносить определенность в наше познание). Более конкретно речь здесь идет о том, что хотя представление о целесообразности природы и не используется нами непосредственно для целей познания вещей природы, это еще не свидетельствует о том, что оно вообще не может использоваться нами для целей познания. Имеется в виду, что представление о целесообразности природы может использоваться нами для выработки *методологии* нашего познания природы, а значит косвенным образом все же служить целям нашего познания. Конечно, таким целям будут служить только телеологические суждения, а не эстетические. Поэтому речь в данном случае идет только лишь об одном из модусов рефлектирующей способности суждения — телеологической способности суждения. Здесь и следует искать ответ на вопрос о том, почему Кант отказался использовать выражение «техника природы» во второй редакции своего Введения к «Критике способности суждения». Дело в том, что это выражение подразумевало под собой, как мы помним из первой редакции Введения, прежде всего эстетическую составляющую, а не теоретико-познавательную. Но, как следует из нашего анализа, эстетическая компонента

43 Там же. С. 66-67.

рефлектирующей способности суждения была важна для Канта до написания «Критики способности суждения», поэтому она находит свое отражение в первой редакции Введения, однако в процессе непосредственной работы над текстом Кант приходит к выводу о не меньшей (а возможно и большей) значимости научно-методологической компоненты рефлектирующей способности суждения, что подталкивает автора переписать первоначальный текст Введения и посредством этого представить все свое сочинение в новом — эпистемологическом — свете.

Выводы

Итак, мы должны обобщить результаты проведенного нами анализа первой и второй редакций Введения в «Критику способности суждения». Еще из ранней переписки Канта мы знаем, насколько серьезной оказалась та работа, которая возникла из небольшой интуиции, пришедшей в голову автору, а именно, что наши эстетические суждения выстраиваются не на произвольных субъективных принципах, а содержат в себе некий элемент всеобщего. Первоначально Канта волновал этот элемент всеобщего в эстетических суждениях, более того, он был доминирующим. В этом контексте следует читать слова Канта из декабрьского письма 1787 г. к Рейнгольду о том, что он задумал написание нового сочинения под названием «Критика вкуса».⁴⁴ Вместе с тем очевидно, что разработка темы вносит существенные коррективы в первоначальный замысел автора. По мере вживания в тему Кант обнаруживает, что искомый им характер всеобщности имеют не только наши эстетические суждения, но и суждения телеологические. Это заставляет Канта задуматься над вопросом о том, одинаков ли принцип, лежащий в основе этих суждений. Он приходит к выводу, что как в эстетических, так и в телеологических суждениях принцип, действительно, один и тот же, а именно принцип целесообразности. Это прозрение даже заставляет автора поменять название для всего сочинения. Теперь оно называется не «Критика вкуса» (как изначально предполагалось), но «Критика способности суждения».

Однако на этом решительные изменения не заканчиваются. Перед тем как отдать в печать рукопись своего сочинения Кант решает скорректировать Введение, которое, по-видимому, было написано автором до создания основного текста сочинения. После того как основной текст был закончен, автору стало очевидно, что во Введении расставлены несколько не те акценты, которые вытекают из написанного уже сочинения. Два месяца автор использует на то, чтобы переписать имеющееся Введение, а по сути дела, как мы смогли убедиться, написать его фактически заново.

Основное отличие между первой и второй редакциями Введения заключается в том, что первый вариант Введения ориентирует читателя на то, что в основном тексте «Критики способности суждения» ведущим предметом анализа будут так называемые эстетические суждения, которые составляют целый (т. е. независимый) класс суждений, наряду с классами суждений теоретических

44 См.: *Kant I. Briefwechsel*. S. 335.

и практических. Вторая разновидность продуктов рефлектирующей способности суждения — а именно суждения телеологические — включаются в «Критику способности суждения» скорее ради систематического единства. В первой редакции Введения Кант утверждает, что даже сам принцип, лежащий в основе таких суждений, не в собственном смысле самостоятельный, а значит, что эти суждения и не в собственном смысле содержат ту всеобщность, ради прояснения которой было задумано все предприятие. Телеологические суждения оказываются просто аналогичными суждениям эстетическим, и только в случае последних принцип их вынесения полностью самостоятелен, а потому может носить статус принципа трансцендентального. Таким образом, результатом прочтения первого варианта Введения выступает следующее. Хотя эстетические и телеологические суждения основываются на одном и том же принципе (а именно принципе целесообразности), только эстетические суждения нуждаются в нем непосредственным образом, в них он проявляет полностью независимый трансцендентальный статус; в телеологических суждениях этот принцип используется нами не напрямую, а по аналогии, поскольку эти суждениями выстраиваются нами аналогичным (в сравнении с эстетическими суждениями) образом. Иными словами, телеология природы есть не что иное, как *эстетизация природного законодательства*. В общем и целом читатель, подготовленный таким кантовским Введением, ожидает, что ему предстоит иметь дело именно с сочинением по эстетике.

Совершенно иная установка рождается у читателя, если он знакомится со второй редакцией Введения к «Критике способности суждения». Ключевое для первой редакции (поэтому не случайно повторяющееся в тексте два раза) деление всех суждений на три класса — теоретические, эстетические и практические — полностью исчезает из второй редакции Введения. Даже если судить по объему текста Введения, посвященного телеологической и эстетической способностям суждения, читатель второй редакции Введения ожидает, что центральной темой всего исследования станет именно телеология, поскольку во Введении автор уделяет ей основное внимание (на долю эстетической способности суждения выпадает теперь лишь 10 страниц из 58, если ориентироваться на оригинальную пагинацию). Более того, телеологические суждения берутся за основу для прояснения сущности рефлектирующей способности суждения вообще. Теперь Кант совершенно однозначно утверждает, что телеологические суждения руководствуются самостоятельным трансцендентальным принципом, который нельзя свести к другим нашим высшим познавательным способностям (ни к рассудку, ни к разуму). Имя этому принципу, как и прежде, целесообразность природы. Из второй редакции Введения исчезает и еще одно ключевое для первой его редакции выражение — *техника природы*. На основании анализа текстов двух Введений можно сделать вывод, что Кант намеренно исключает это выражение из второй редакции, поскольку оно подспудно содержит в себе акцент на эстетическую компоненту рефлектирующей способности суждения, которая хотя и представляется Канту по-прежнему важной, однако теперь уже не настолько более значимой по сравнению с телеологической ее компонентой для проекта в целом. Общий смысл всего проекта явно был пересмотрен по окончании работы над сочинением, что находит свое отражение в тексте второй редакции Введения.

Согласно этому пересмотренному смыслу, Критика способности суждения — это необходимое *систематическое* завершение всего критического проекта в целом, а сама способность суждения — это связующий элемент между законодательством природы и законодательством свободы. Поскольку эстетическая способность суждения оказывается не в состоянии выполнять такой связующей функции, то это выпадает на долю телеологической способности суждения. Здесь находит свое оправдание тот факт, почему вся нить рассуждений второй редакции кантовского Введения построена на анализе телеологической, а не эстетической способностей суждения. Вместе с тем опосредующую роль может взять на себя не любая разновидность телеологической способности суждения, а только лишь ее рефлектирующая (а не определяющая) разновидность. Такая телеологически-рефлектирующая способность суждения носит особый научно-методологический статус, поскольку именно благодаря ей наш разрозненный опыт обретает систематическое единство на уровне его эмпирических законов. Фактически речь идет об особой научно-методологической установке, которая достигается в такого рода телеологических суждениях. Это означает, что суждения такого рода, хотя они и не выступают непосредственным познанием природы, тем не менее вносят научно-методологический вклад в сам процесс познания природы. Они служат не чем иным, как регулятивными, эвристическими принципами нашего познания природы.

Можно утверждать, что именно при рассмотрении телеологических суждений у Канта наступает своего рода перелом, предопределивший его дальнейшие философские интересы, которые, как мы знаем, он так и не смог реализовать до конца. Результаты его последних прижизненных исследований опубликованы уже после его смерти под названием «Opus postumum». В нем находит свое отражение то, что волновало Канта все последние годы его жизни — наука о переходе от метафизических основ естествознания к физике вообще. Вместе с тем этот мотив «перехода» ясно прослеживается уже во второй редакции кантовского Введения к «Критике способности суждения». Он присутствует в телеологии. Более того, он и рожден на свет благодаря размышлениям Канта о сущности телеологических суждений и той роли, которую они играют в процессе нашего познания природы.

В общем и целом читатель, ознакомленный со второй редакцией Введения, ожидает теперь совсем иного рода сочинения, которое он ожидал бы, прочтя первый вариант Введения. Отличие, не будет преувеличением сказать, радикально. Читатель ожидает теперь не сочинения по эстетике, а сочинения, посвященного, как сказали бы мы сегодня, философско-научным, эпистемологическим аспектам нашего познания природы, а именно той роли, которую играет в таком познании телеологическое мышление.

Е. Е. Вознякевич

ПРОБЛЕМА НАУЧНОЙ ДИСКУССИИ В УСЛОВИЯХ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПЛЮРАЛИЗМА *

В статье анализируются условия возможности рассмотрения научной дискуссии как познавательного приема, выявляются ее эвристический потенциал и роль в философии науки. Дается краткий обзор исторических изменений статуса научной дискуссии.

В ходе преподавания философии, особенно курса «История и философия науки», многие сталкиваются с проблемой «однозначного определения». Аспиранты, особенно с естественнонаучными специальностями, ожидают, что каждое разбираемое понятие должно иметь однозначное, четкое определение. Рассмотрение изменения содержания понятия от концепции к концепции приводит многих из них в замешательство и вызывает отторжение всего предмета в целом. В силу специфики программы, предложенной для кандидатского минимума, а также слабого знания философии, сложно ожидать от аспиранта свободного владения категориально-понятийным аппаратом на таком уровне, чтобы из самого контекста уловить то, о чем идет речь. Это затруднение имеет не только методический, но и методологический смысл.

Одна из задач как истории, так и философии науки, состоит в раскрытии непрерывности и дискретности в развитии знания, рассмотренного как формирование концепций, обнаруживающих себя в истории науки как последовательно, так одновременно, которые Г. Башляр назвал «эпистемологическими разрывами». «Эпистемологические разрывы» представляют собой преодоление гносеологических трудностей, возникших при смене парадигм. Современный этап развития научного знания характеризуется появлением таких разрывов не только в исторической перспективе, но и в рамках определенного временного среза между различными направлениями науч-

* Статья выполнена в рамках проекта, поддержанного РГНФ, № 07-03-00421а.